

Письмо папе

слова, которые я
не успел сказать,
но наконец написал

для тех, кто рано потерял,
но не перестал любить

Автор: Владимир Липинский

Владимир Липинский

Письмо папе

«Автор»

2026

Липинский В.

Письмо папе / В. Липинский — «Автор», 2026

Есть разговоры, которые мы откладываем, потому что кажется — ещё успеем. Есть слова, которые годами стоят где-то в горле. Есть вопросы, на которые уже никто не ответит. Эта книга — не о правильных выводах и не о красивой истории. Это честное письмо отцу. О памяти, боли, обидах, любви и всём том, что остаётся внутри, когда сказать вовремя не удалось.- личное письмо, ставшее книгой- воспоминания, о которых обычно не говорят вслух- честная история без прикрас и оправданий- слова, в которых многие узнают себя

© Липинский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Владимир Липинский

Письмо папе

Глава

Эта книга — не про отца.

И не только про прошлое.

Она про разговор, который многие из нас так и не успели провести.

Про чувства, которые мы привыкли прятать глубоко внутри — потому что страшно, больно или «уже поздно». Про злость, обиду, стыд, любовь — всё сразу, в одном человеке. В одном детстве. В одной памяти.

Я написал это письмо не потому, что знал ответы.

А потому что понял: если не сказать — это будет жить внутри всю жизнь.

Эта книга может быть полезна тем, кто:

- рано потерял родителей,
- не сказал важные слова вовремя,
- носит внутри непрожитые эмоции,
- живёт с внутренним диалогом, который никогда не заканчивается.

Возможно, вы узнаете в этих строках себя.

Возможно, вспомните то, о чём давно старались не думать.

А возможно — впервые позволите себе почувствовать это до конца.

Эта книга не даёт инструкций.

Она даёт пространство.

Пространство, где можно:

- остановиться,
- признать свою боль,
- перестать убегать от прошлого,
- и, наконец, сказать то, что должно было быть сказано.

Если после прочтения вам захочется написать своё письмо — значит, всё было не зря.

Дорогой отец...

Бред, никогда к тебе так не обращался. Пап, мне тебя очень не хватает. Чтоб ты понимал, насколько сильно, я уже на словах «не хватает» еле сдержал эмоции и практически заплакал. К моему сожалению, мы так с тобой и не поговорили ни разу за всю твою жизнь. Или это лишь у меня так в памяти осталось. Но всё-таки думаю, мы так душевно и обо всём ни разу не поговорили. Я всегда слышу от всех и сам так думал, что только детям нужны отец и мать, но это не так. Ты мне очень нужен и сейчас. У меня такое впечатление, что мы столько раз разговаривали хоть о чём-либо, что это можно пересчитать на пальцах. Твоё наставление я несу через всю свою жизнь, и для меня на подсознательном уровне это как встроенная установка. Когда ты после очередного скандала с мамой пошёл со мной куда-то и, остановившись, наклонился и сказал: «Посмотри на меня, посмотри на нашу семью, посмотри, как мы живём... Если тебе нравится — делай всё то же, что и я, и ты будешь так же жить. Если не нравится — учись, развивайся и не повторяй моих ошибок. Не иди по моим стопам».

Всю свою осознанную жизнь я задаю себе один и тот же вопрос: не там же ли я, не те же ли ошибки я делаю, не такую же ли жизнь я проживаю и обманываю себя, что я другой и у меня всё под контролем? Так я ни разу не смог спросить у тебя совета в осознанном возрасте, так я тебе не смог показать, что я построил, что потерял, с чем справился, а где расклеился.

Так и не смог с тобой поделиться радостью от каждой победы и попросить поддержки, когда не было сил бороться и хотелось сложить оружие. Хочу спросить, что делать дальше или как исправить это... Я несколько раз пытался поговорить с тобой на месте, где ты был похоронен, но это во мне точно не отзывалось. Я чувствовал, что это дешёвое подражание людям, которые говорят с мраморными плитами или крестами на кладбище. Как только я открывал рот, спрашивая: «Ну как ты тут?», сам себе же и отвечал, мол, серьёзно? Его там нет, а даже если бы был, ответ очевиден. Всё у меня идёт от логики, и, если нет логики, я не вижу смысла. Затем обычно я говорю короткую фразу: «У меня всё отлично, не переживай». Или: «Ты можешь мной гордиться и не переживать, я добился большего и не пошёл по твоим стопам». Чушь... И, прощаясь, уходил. Как мне тебя не хватает! Я уже взрослый, но ты мне очень нужен. Я так тебе хочу похвастаться, я так хочу, чтоб ты сказал мне: «Воха, ну ты дал...»!

И вот лежу я на пляже, пишу тебе письмо, и слёзы покатались по щекам. Я как будто говорю с тобой. Какой же глупыш я, какой дундук непробивной... Почему раньше мне не пришла мысль таким вот образом поговорить с тобой? Помню, ты один называл меня Воха. Ты меня покинул вроде как не так рано, но тебя как будто бы и не было давно. Я ни разу тебе не говорил, что мне стыдно за тебя, что я хочу гордиться тобой, но, поскольку ты наркоман, я сын наркомана для соседей, и лучше быть инкогнито для всех остальных. Так мне казалось намного легче: быть просто хорошим, приятным подростком, когда друзья приводят в дом, а их родители тебя не знают. И тем не менее хочу тебе сказать, что ты для меня всегда был самым авторитетным мужчиной в мире. Ты умел абсолютно всё. Всё, о чём тебя спросишь, — ты всё знаешь, всё, за что ты брался, — ты умел сделать. Я на тебя злился, и, может, эта злость есть до сих пор. Злился потому, что ты мог бы добиться чего угодно, всего, чего сам захочешь. Но тебе это просто было не нужно. Я тебя и любил, и ненавидел.

Помню, я всегда хотел вырасти, чтоб дать тебе сдачи за маму, чтоб защитить её. Всё моё детство было словно испытание, в котором мать — алкоголичка, а папа — наркоман. Вы дрались как будто постоянно, и слышали это все соседи, а многие и видели, так как двор наш был как на ладони из-за гнилых досок на заборе.

Сейчас сижу и думаю, пытаюсь вспомнить, и мне кажется, что ты на самом деле маму и не бил, а просто защищался от её нападений и оскорблений. А может быть, и нет. Всё в моей памяти может быть лишь рисунком, плодом моего воображения или детским взглядом на ситуацию, который зафиксировался в моей памяти на всю жизнь так, как я это смог воспринять в силу детского сознания. Мама плачет — значит, папа плохой. Всё просто. Я так хотел вырасти и наказать тебя, поставить на место... Вы мне говорили: мужчины должны защищать женщин. Значит, маму нужно было защитить. Я ни разу не помню маму с синяком на лице, вот я бы тебя и спросил сейчас: было ли то, что я помню, или я помню лишь то, что хотел запомнить? Я тебя боялся. И ровно с такой же силой я гордился тобой и восхищался. Как всё было на самом деле, я ни разу с тобой не обсудил. И ты не хотел, и я не знал, что, может быть, всё не так, как видели мои детские глаза. И ты мне уже не ответишь ни на один вопрос. Получается, я могу только рассуждать в одну или в другую сторону и выбрать вариант, который наиболее объективен на мой взгляд. А на самом деле я выбираю тот вариант, в который сам хочу поверить.

Мне до сих пор снится твоя агрессия, семейный скандал, и я — беспомощный ребёнок, которому ещё чуть-чуть нужно вырасти и дать тебе отпор. Что-то всегда меня останавливает. Какова причина одного и того же сна — мне не понять, но он повторяется снова и снова. Твоя фраза «не лезь в драку, если не веришь в свою победу» живёт со мной всю жизнь. Может, именно поэтому я так и не вступил с тобой в схватку. Как это всё глупо. Будучи ребёнком, я только осуждал своих родителей. Сотни раз я сгорал от стыда, когда приходилось ходить в зимних вещах летом. Каждый раз, когда я для того, чтоб поесть черешни, вынужден был у соседей обрывать всю черешню, чтоб они позволили забрать себе немного. Я так хотел, чтоб ты мне её просто купил. Мне так было стыдно, когда меня видели идущим с ведрами черешни

мои ровесники. Они сидели в тенёчке у забора на велосипедах, с девчонками, которые мне очень нравились. Но когда они увидели, в какой сарай, в какой разваленный дом я заходил, я просто сгорал от стыда. Я садился на кухне и рыдал как белуга. Я кричал в голос: «Зачем вы меня родили на этот свет в такую нищету? За что мне этот стыд?..» Мне теперь стыдно выйти на улицу и показаться на глаза девчонкам, которые мне так нравились. Я никогда не смогу с ними кататься на велике, как нормальный ребёнок. А если они узнают, кто мои родители, на меня вообще будут смотреть как на прокажённого. Для меня это были огромные муки.

Я просто хочу тебе рассказать, что происходило в моей жизни и как я это видел. Я тебя ненавидел за то, что вы мне так и не купили велосипед и я так и не смог прокатиться с девчонками в одной компании. Я понимаю сейчас, что ты как отец ничем мне не обязан, как и я тебе. Ты жил свою жизнь как мог, или как хотел, или как получилось. Знал бы ты, как я обрадовался спортивному фиолетовому велосипеду с 12 или 9 переключениями скоростей. Я был так рад, что дядя Игорь или Виталик приехал к тебе на этом велосипеде, что чуть не лопнул. Но это был мой день рождения, и я ваш план сразу раскусил. Не мог поверить, что вы с дядей так решили меня поздравить. Я, по правде, ни одного подарка не помню от тебя на свой день рождения или Новый год. С самого утра моё настроение было на высоте. Каждую секунду я ждал, пока вы расколетсяь и скажете что-то вроде: «Ну что, с днём рождения! Крути педали на здоровье!» Мне было так интересно, какого чёрта дядя позволил себе поехать в магазин на моём уже, по идее, велосипеде. Но когда дядя не вернулся, мой мир снова провалился под землю. Мне помнится, я тебе этого не рассказывал, наверное, боялся. Но когда я снова встретил дядю, я спросил его, как он мог так поступить — привезти и тут же забрать велосипед в мой день рождения, когда все знали, как я мечтаю о велосипеде. И знаешь, что он ответил? Он спросил, почему же я не сказал ему, что у меня день рождения. Мой родной дядя. Я не удивлюсь, если и ты тогда не вспомнил. У меня будто каша в голове: что-то помню хорошо, что-то словно сон из чужой жизни, а самое обидное — что помню я по большей части только плохое.

Мне было стыдно, что во дворе у нас была огромная куча мусора много лет, как городская свалка, и это было на самом деле ужасно. Я представляю, какие там могли быть или даже были болячки. Самое странное, что ни ты, ни мама нас не ругали за то, что мы продолжали туда выбрасывать мусор каждый день, и вы с мамой делали то же самое. В моей памяти или уже воображении вы достаточно осознанные люди, которым абсолютно не свойственно находиться в такой окружающей среде, а тем более быть её создателями. Я осуждал тебя и маму бесконечное количество раз и тем самым брал на себя роль родителя. Сейчас я осознаю, что природа устроена немного по-другому: родители должны быть родителями, а дети не должны учить родителей. Не знаю, может, ты был настолько продуманным стратегом, что положил свою жизнь на кон в обмен на моё воспитание и развитие, а может, это стечение обстоятельств, или вообще я всё это себе накручиваю и просто пытаюсь, как обычно, получить ответы на вопросы, которые у меня есть в голове, логическим путём. А у судьбы на этот счёт другое мнение, и ответы на свои вопросы я уже вряд ли смогу получить, по крайней мере в этом физическом мире.

Я хотел быть как ты во всём, но только лучше. Это казалось невозможным. Я, скорее всего, так этого хотел и всё ещё хочу, что даже не заметил, как это стало моим обычным состоянием — быть лучше, сильнее, быстрее, добрее, заботливее. Если где-то это не получалось, я не находил себе места, и сейчас это тоже прослеживается. Даже имея уже своего ребёнка, я передал ей эту черту характера, эту программу. Во что бы мы ни играли, хоть наперегонки, если Мишель меня не выигрывает, она будет плакать без остановки. У меня почти никогда нет душевного покоя. Если я никуда не бегу и не думаю о работе или развитии хотя бы час, мне становится не по себе, но при этом какие невероятные 60 минут счастья, когда не нужно никуда бежать. Представляешь, в каком я стрессе живу? Моя жена Кристина занимается квантовой психологией, в которой существует практика, позволяющая зайти в поле человека и почувство-

вать его состояние и эмоции. Кристина начала плакать от того, что, войдя в моё поле, почувствовала такое количество тревоги и беспокойных мыслей. Она спросила меня, что это было, откуда столько мыслей, откуда столько страха и тревоги. Я выдохнул с облегчением, что хоть кто-то смог меня хотя бы на пару секунд по-настоящему почувствовать. Я объяснил, что это моё обычное состояние, и теперь она может меня немного понимать, когда я слегка нервный или несдержанный в пустяковых моментах. У меня осталось столько гадости и всяких установок с детства, что мне потребуется ещё очень много времени и усилий, чтобы избавиться от всего этого. Я не скажу, что это плохо — скорее, это хорошо.

Совсем недавно ко мне пришло лёгкое осознание того, что жизнь — это не количество достигнутых целей или побед. Это не финишировать на закате лет в любви и какой-то поставленной перед собой накопленной сумме денег. Это получать максимальное количество улыбок, радости и различных эмоций каждый день. И тогда финиш останется не так уж и важен в принципе. Ведь жизнь может длиться тысячи и тысячи часов, а счастливый финиш может быть совсем коротким. И тут я понял, почему у самурая нет цели — у него есть только путь. У меня столько беспокойств в большей части моей жизни, что я мечтаю побыть без телефона хотя бы один день. Но на мне столько ответственности: семья, бизнес — всё на мне, и это совсем невозможная роскошь — просто побыть в тишине, без телефона.

А ещё в 13 лет я готов был продать почку, чтобы купить хоть какой-то кнопочный чёрно-белый телефон и переписываться ночами с друзьями. Мы звонили друг другу на пару секунд и сбрасывали, потому что дальше уже было за деньги. Я считал людей глупыми, которые говорили 6–7 секунд и тратили на это деньги. Зачем тратить деньги, если можно 3–4 раза позвонить по 2 секунды и ничего не потратить? А теперь я мечтаю пару дней побыть без связи, чтобы хоть немного отдохнуть, побыть с мыслями наедине и ответить самому себе на все вопросы. Я нашёл такую практику, она называется «випассана». Это когда ты не разговариваешь и не смотришь никому в глаза определённое количество дней. Как-то я уехал на юг Франции, нашёл домик в горах, в самой глуши, где рядом не было абсолютно ничего, кроме лесов, гор и полей, и устроил себе випассану. Три дня я был без телефона, телевизора, людей и любой техники. У меня даже часов не было в доме. Мой стресс в первые сутки был на пределе. На второй день я уже был спокоен и умиротворён как никогда. На третий день я научился ценить всё, что есть в моей жизни. Я увидел всё, чего уже достиг, и что уже успел обесценить и отчасти начал терять. То самое настоящее, к чему всю жизнь идёт разумный человек. Я на сто процентов добился счастья и невероятной радости в этой жизни. А в ежедневной суете и гонке перестал так ясно видеть, какая у меня прекрасная, красивая, любящая и любимая жена. Ребёнок — мой маленький ангелочек, в котором я души не чаю. Дом, машина, бизнес, путешествия, поездки — у меня есть всё на свете, что нужно, а я в тревоге и стрессе всё обесцениваю. Настолько обесцениваю, что, написав свою книгу, мне было стыдно об этом сказать людям. Как такое может быть? Как? А всё потому, что мысли у меня такие: кто ты и откуда, чтобы книгу издавать, да ещё и чтобы люди её читали? Вот такие проблемы у меня в голове, которые хотелось бы с тобой, папа, обсудить. Тяжело это всё. Некому даже рассказать, потому что осознаю, что вряд ли меня поймут те, кто совсем не соприкасался с моим детством или не переживал похожего опыта.

Я не могу передать словами, какое у меня сейчас накалённое и напряжённое состояние. Мне сейчас очень тяжело морально выносить те тяготы и ответственность, которые на мне лежат. Или которые я сам на себя взвалил. Люди со стороны видят, как я успешен, и, скорее всего, думают, что это всё досталось мне легко, а я сегодня хочу плакать от усталости. Мне кажется, что именно сегодня всё начнёт рушиться. Рядом со мной люди, которые даже приблизительно не были на моём месте. Я не чувствую, что есть хоть кто-то в этом мире, кто может меня понять, кому я могу выплакаться и получить отцовскую поддержку. Позавчера я сидел со своим другом в баре, смотрел футбол. Играли «Реал Мадрид» и «Барселона». Каждый напряжённый момент мой друг Серёжа, которому 45 лет, звонил своему отцу и говорил: «Ну как они

так судят?» или делился радостью от забитого гола. Мне хотелось плакать от тоски — как же мне хотелось сделать то же самое: позвонить тебе и крикнуть: «Гоооол! Папа, гол!» Я просто сказал Серёже, как же это круто. Он, конечно, меня не понял, так как для него это обычный просмотр футбола с папой.

Помню, как несколько раз, когда ты был дома и всё как будто было хорошо, ты рассказывал про своё детство, и я просил остановиться, дать мне вдохнуть воздуха — я смеялся так, что не мог разогнуться от боли в животе. Эти истории я помню до сих пор. Хорошие моменты тоже были. А потом помню, как твоя сестра Света сидела со мной в комнате на диване за спиной, пока я играл на полу, и клевала носом, потому что подседала вместе с тобой на иглу. Я был уже научен не обращать внимания на плохие вещи и старался не реагировать на происходящее, но когда её сопли попали на мою любимую спортивную кофту, я со слезами на глазах побежал к тебе жаловаться. Я не понимал, что происходит, даже когда видел своими глазами, как ты пытался её откачать, вернуть к жизни, ведь пока я тебя позвал, она в передозе захлебнулась. Эти травмы остались со мной. Сейчас я понимаю сейчас, что переживать за кофту, когда у тебя на глазах умирает человек, — ненормально, и даже абсурдно. А мне было, наверное, лет шесть. Это просто ужасно. Как ты, такой в моих глазах умный, осознанный и грамотный, мог допустить такое? Чтобы я видел, как ты приводишь своих друзей к нам с сестрой в спальню, задёргиваешь шторы, ведь дверей не было, и вы начинаете там колотиться, пока мама на базаре вкалывает, а потом от усталости топит своё горе в алкоголе. Ты хоть понимаешь, что каждый раз, когда твои друзья выходили из спальни, отодвигая шторы, мы с сестрой видели, как ты или твои дружки натягивают жгут и колются в палец, пах, пятку или в другие места, где вряд ли полиция увидит следы? Ты понимаешь, что, вспоминая всё, что было в моём детстве, мне всё сложнее поверить в то, что можно положить свою жизнь ради того, чтобы твой пример стал показательным? Это травмы на всю жизнь.

Я только недавно вспомнил про тётю, рассказал жене — она была в шоке, а я просто забыл, потому что видел в детстве вещи, которые были намного страшнее. Знаешь, жена как-то сказала, что боится больших денег, потому что не хочет умирать. Я не понял, о чём она, и она объяснила, что в её понимании, если у неё будет много денег, её обязательно захотят убить. И она думала, что так у всех. Я могу себе представить, сколько у меня подобных ложных убеждений, которые для меня кажутся нормой, но на самом деле таковыми не являются. А поскольку мы не можем исправить проблему, не зная о её существовании, мы живём с этими травмами всю жизнь и калечим окружающих — жену, детей, внуков, даже не осознавая этого.

Уже есть как есть, и я понимаю, что в прошлом ничего не изменить. Мне сегодня очень тяжело, и я хочу, чтобы меня выслушали, но не подумали, что я плакса или слабак. Мне просто хочется жить как в фильме, где я приезжаю к родителям на ранчо или в загородный дом, и мы с тобой годами собираем старый автомобиль, винтик к винтику, болтик к болтику, не спеша доводим его до идеала, например, Ford Mustang Shelby 1967 года, и знаем, что скоро прокатимся на нём с ветерком. Но некоторым мечтам суждено остаться мечтами. Я уже никогда не познакомлю тебя со своей семьёй, не услышу от тебя, какой я молодец. Мы бы сидели у вас в гостях, и ты бы жарил свою фирменную картошку с луком и яйцом, присыпал укропом сверху, как тогда, когда мы сидели без света и отопления, а ты принёс примус, разжёг огонь и приготовил обед, вкус которого я до сих пор помню, но так идеально ни разу и не повторил. Как бы я хотел, чтобы у меня была хотя бы одна твоя фотография. Когда уже технологии смогут восстановить твой образ хотя бы по моим воспоминаниям?

В моей голове не укладывается, как, получив столько моральных травм в детстве, которые так и не зажили, я всё равно хочу иметь отца. И я даже не понимаю, хочу ли я реального тебя или тот образ, который сам себе придумал. Мне даже смешно вспоминать, как мама просила тебя научить меня играть в карты, а ты настолько не хотел, что согласился только при условии играть на шелбаны. Если я не ошибаюсь, я сыграл две игры, и инстинкт самосохране-

ния заставил меня отказаться от этой идеи. Вряд ли нормальный человек может рассказать, как он давал своему сыну такие щелбаны, что звон в ушах я будто слышу до сих пор. Я, наверное, просто выгружу всё, что помню о нашей жизни, где присутствовал ты, чтобы у меня не осталось чувства недосказанности. Мне интересно, действительно ли ты где-то наблюдаешь за мной и всё видишь сам или тебе нужно это рассказать.

Я помню, как в 2000 году тебя поймала полиция на заводе по соседству, куда мы часто лазили искать металл и зарабатывали на сладости. Тебе дали три года условного срока, и всё, что нужно было — раз в месяц отмечаться. Я был уверен, что ты не сядешь. Но спустя время ты, как обычно, ушёл в кураж и перестал отмечаться, и тебя посадили на три года. Меня всегда мучил вопрос: действительно ли ты таким глупым способом попал в тюрьму или мама нас обманула и было что-то ещё? Знаешь, а я в этом плане тебя даже переплюнул. Гордость сомнительная, но расскажу. Пока другие ребята лазили через забор и тащили немного металла, я ходил через главные ворота, договаривался с охранником и вывозил тележки металла открыто, чтобы все видели. Мы с другом еле их тянули. Слава Богу, я не пошёл дальше по этому пути. Иначе, возможно, я бы и твоего возраста не дожил.

Я очень любил наш район и думал, что это самое безопасное место на земле: частный сектор, нет трасс или дорог, все друг друга знают, и нет никого и ничего, чего нужно бояться. Кроме тысячи наркоманов, которые проходили мимо нашего дома с Палермо к троллейбусной остановке, которые валялись под всеми заборами в передозах, наркоманов, которые стоя засыпали со шприцами в руках, а мы всё это видели. Знаешь, у скольких моих соседских друзей иголки с улицы втыкались в ногу? Мы уже с ними прощались и говорили, что они умрут от СПИДа, хотя, скорее всего, с кем-то так и произошло. Я видел, как мой крёстный отец, «Слон», выбегал на улицу и избивал этих наркоманов возле дома до полусмерти, и всё равно они не заканчивались — появлялись новые, а иногда и старых били по несколько раз. Мы считали крёстного просто суперменом. Он как будто очищал землю от нечисти. Помнишь нашу любимую игру? Мы шли на «Яму», так мы называли заброшенную стройку, где ломали деревья с ровными палками и делали себе дубинки. Мы делали это красиво, мы же тоже супергерои: снимали кору с палок, сушили их на солнце, обматывали изолентой и тут же испытывали на прочность. Там постоянно было очень много наркоманов, которые прятались в кустах и кололись, а кто-то иногда водил туда и проституток, так что кино 18+ мы тоже смотрели в 10–11–12 лет. Только после того, как покинул наш район, я понял, что он не такой классный, как я думал, не такой безопасный, и игры у нас были неадекватные. Мы были как маленькие дикие звери, как гиены. Мы видели, как люди заканчивались, как песня на ускоренной перемотке, подсаживаясь на иглу. Как это можно воспринимать нормально, я даже не знаю. Точно не знаю, как, находясь во всём этом, люди могут оттуда выбраться.

Я помню твои попытки несколько раз завязать с наркотиками. Получается, ты осознавал, что это совсем не нормально, и просто не мог отказаться, или это были показательные попытки? Ты лежал дня три без привычных тебе наркотиков, раствора за 5 долларов, и буквально умирал, а мы всё это видели. Мне было лет 7–8, и нам, чтобы попасть в свою комнату, нужно было пройти через вашу, где ты лежал, корчился с пеной у рта. Мама не знала, что делать, и сама была готова купить тебе раствор, чтобы ты не умер у неё на глазах, но боялась оставить тебя одного. Я уверен, ты не знаешь, но я уже тогда зарабатывал небольшие деньги, покупая семечки и шоколадки на базаре и продавая их наркоманам у выхода из цыганского переулка, где одновременно всегда было больше ста наркоманов. И меня распирало от гордости, что я знал одного из главных цыганских наркобаронов, и он меня защищал. Я единственный там занимался этим, помимо цыганской бабки, которая там жила. Тогда я и сказал маме, что пойду и куплю наркотики, чтобы ты не умер. Я рассказал ей, что у меня там есть знакомые и бояться нечего. Я пошёл и купил тебе наркотики, ты укололся и снова стал милым Сашей, добрым, здоровым, культурным человеком, которому только что принёс «баян с раствором»

восьми-, может, девятилетний сын. Вот так. Как можно скучать по отцу, зная и помня всё это? Может, я скучаю по своей фантазии, которая никак не касается тебя, а просто по идеальной картинке из фильма? Вероятно, я скучаю по тебе, зная, что ты не всегда таким был. Было же время, когда ты только начал употреблять, и мама хотела от тебя уйти. Не знаю, правда ли это или мама просто переложила на меня вину за то, что не ушла от тебя до того, как мы получили сотни моральных травм, но она рассказывала, как мы уже какое-то время жили на Таирова с её женихом Серёжей, и она уставала от моих слёз. Она говорила, что я плакал каждую ночь по тебе, пока ты не приедешь и не надуешь свой живот, как воздушный шар, чтобы я посмеялся и уснул. Опять же, останется для меня вопросом, правда это или нет. Ты знаешь, действительно мало кто может так делать с животом, у кого нет лишнего веса. Я так тоже могу. Много раз я фантазировал, как бы мы жили и к чему бы пришли, если бы остались с дядей Серёжей на Таирова.

Может, тогда бы твой кум, мой крёстный Слон, не принимал мою вечерю на следующий день после того, как принимал за столом всех своих крестников. Ведь я приносил вечерю только тогда, когда уже не было людей, которые могли увидеть, что он принимает крестника, сына наркомана. Но хорошо, что он вообще принимал. Я столько раз слышал, как какие-то крёстные ссорились или шептались, что я в гостях вместе со всеми «нормальными» детьми. А может, это уже тогда была моя больная фантазия и травма. Я часто какие-то истории из детства рассказываю своим друзьям, и если раньше мне было стыдно рассказать, кто я и откуда, то сейчас с каждым днём меня переполняет гордость за то, как я смог развернуть свою жизнь в совершенно другом направлении. Когда я представляю возможный сценарий, если бы пошёл по твоим стопам, мне становится страшно. Единственное, чего я боюсь в жизни, — это остаться ни с чем, вернуться в те развалины, в которых мы жили, в долги, как у тебя, и прятаться в шкафу, пока твои дети говорят, что папы нет дома. Согласись, это не лучшая картина. А ведь несколько раз нам не верили и находили тебя в шкафу. Или это моя фантазия? И как ты там вообще помещался? Шкафом это трудно назвать. Тем, кем я стал сейчас, я доволен, и я горжусь собой. Спасибо тебе за те несколько советов, которые я получил от тебя. Они отпечатались у меня в сознании, как татуировка на руке. Даже если ты сделал это неосознанно, я тебе очень благодарен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.